

УДК 159.923

ПРИВЯЗАННОСТЬ И ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА КАК ПРЕДИКТОРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРАХОВ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

© 2023 г. Н. В. Сабельникова^{1,*}, Д. В. Каширский^{2,3,**}, А. В. Нефедова^{4,***}, Г. Г. Эрнст^{1,****}

¹Алтайский государственный педагогический университет;
656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55, Россия.

²Российский государственный социальный университет;
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Россия.

³Финансовый университет при Правительстве РФ;
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Россия.

⁴Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых;
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования
Института психологии и педагогики.

E-mail: nsabelni@mail.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики РГСУ,
профессор департамента психологии и развития человеческого капитала Финуниверситета.

E-mail: psymath@mail.ru

***Старший преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии.

E-mail: a.nefyodova@yandex.ru

****Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования
Института психологии и педагогики.

E-mail: gg_ernst@mail.ru

Поступила 11.04.2022

Аннотация. Представлены результаты исследования особенностей переживания страхов в зависимости от выраженности качества привязанности к близким людям и факторов “Большой пятерки”. Выборку составили студенты российских вузов ($N = 94$; 82% девушки) в возрасте 18–22 лет. Использовались методика изучения интенсивности страхов Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой, опросник привязанности к близким людям (ECR) Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского, опросник стиля привязанности Дж. Финей и др. (ASQ) в адаптации Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского, методика “Большая пятерка” (5PFQ) П. Коста и Р. Маккрае в адаптации С.А. Щебетенко. На основе метода главных компонент (РСА) выявлена структура страхов, переживаемых студентами, включающая “страхи неконтролируемых событий” (изменений в личной жизни, смерти, болезни и др.), “природные страхи” (темноты, замкнутого пространства, змей, пауков и др.), “социальные страхи” (экзаменов, публичных выступлений) и “страх потери самоконтроля” (агрессии по отношению к близким, аутоагрессии и др.). Качество структурной модели доказано с помощью конфирматорного факторного анализа. Анализ регрессионных уравнений (МРА) позволил выявить зависимость отдельных групп страхов от избегания отношений привязанности, нейротизма, экстраверсии и добросовестности.

Ключевые слова: переживание страха, виды страхов, привязанность, беспокойство, избегание, черты характера, факторы “Большой пятерки”, студенческий возраст.

DOI: 10.31857/S020595920024348-8

Эмоциональные явления занимают особое место в психической жизни субъекта. Они не отделены от познавательных и волевых процессов, участвуют в построении психического образа, регулируют поведение и деятельность, вносят существенный вклад в развитие личности [3; 6; 17]. Особое значение для понимания процесса функционирования психики

имеет эмоция страха, обладающая в некоторых случаях огромной и порой разрушительной силой, а иногда мобилизующая субъекта к совершению того или иного действия или поступка. Переживания по поводу того, что угрожает субъекту — его биологическому или социальному существованию, а значит, того, что выступает для него источником

фрустрации потребностей и побуждений, ограничениями на пути реализации ценностей, полноценной счастливой жизни и благополучия, — нередко оказываются ключом к пониманию реальных препятствий и возможных ресурсов личностного развития.

Актуальность изучения страхов в настоящее время усиливается из-за происходящих социальных потрясений. Социальная ситуация, в которой находятся люди по всему миру на протяжении последних лет в связи с распространением коронавирусной инфекции, экономическим кризисом, вооруженными конфликтами, нарастающими угрозами финансовой и продовольственной безопасности и др., может быть охарактеризована как экстремальная, выходящая за нормы привычного жизненного уклада и социального взаимодействия [4; 7; 8; 16; 27]. Все эти стрессогенные факторы вызвали изменения в психике и поведении людей, в том числе в эмоциональной сфере. Страх за свою жизнь и жизнь близких стал предметом беспокойства, определяющего образ мыслей и действий.

Известно, что страх возникает у человека в ответ на реальную или воображаемую угрозу и выполняет сигнальную, защитную и адаптивную функции. При чрезмерной интенсивности страх может негативно сказываться на психологическом здоровье и качестве жизни, однако при незначительной выраженности способен вызывать ресурсные состояния, способствующие эффективному разрешению ситуации. Страхи появляются в онтогенезе довольно рано, причем на разных стадиях развития они имеют свои количественные проявления и характеризуются качественным своеобразием [5; 9; 24].

Существуют различные классификации страхов, как правило, в зависимости от причин, вызывающих их появление, или объекта переживания [9; 10; 22; 31]. Впрочем, страхи иногда сложно отнести к какой-то одной группе, так как страх может носить смешанный характер и включать сразу несколько модальностей, что, впрочем, объяснимо недизъюнктивностью (А.В. Брушлинский) человеческой психики и личности в целом. Так, страх заболеть может объединять биологический (физическое страдание) и социальный (лишиться социальных контактов, работы и т.п.) страх и др.

В публикациях выделяются уровни переживания страха. Например, согласно А.И. Захарову [9], их два: естественный (возрастной) и патологический. Непатологические страхи кратковременны, обратимы и в большинстве случаев исчезают с возрастом, не оказывая существенного влияния на характер и поведение человека, его взаимоотношения с другими людьми. Они часто имеют защитный характер, так как помогают избежать травмирующей

ситуации. Патологические страхи имеют затяжной, навязчивый характер. А.И. Захаров также выделяет страхи, обусловленные ситуацией, и личностно детерминированные страхи.

Много исследований страхов посвящено подростковому и юношескому возрасту [19; 24; 28]. Указывается, что беспокойство и страхи нередко оказывают решающее влияние на социальную жизнь и активность на этих стадиях онтогенеза [14; 24]. В последние десятилетия исследования педагогов и психологов все чаще посвящаются изучению страхов не только в ранней, но и поздней юности, а также вопросам профилактики и коррекции страхов у молодежи [1; 14; 25]. По данным исследований [2; 13; 15; 21; 29] специфическими и наиболее распространенными в студенческом возрасте являются страхи, связанные с процессом вузовского обучения (страх экзаменов, публичных выступлений, стать плохим специалистом и др.).

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время в системе факторов, обуславливающих переживания страхов в студенческом возрасте, лучше изучены внешние или социальные побудители, тогда как “внутренние условия” (С.Л. Рубинштейн) или личностная детерминированность страхов представлены в исследованиях гораздо в меньшей степени. Однако знание личностных предпосылок переживания страхов в студенческом возрасте позволило бы разрабатывать более эффективные способы профилактики и коррекции страхов, препятствующих позитивному формированию личности на стадии ее интенсивного становления.

Анализ исследований, посвященных изучению личностной детерминации страхов в юношеском и зрелом возрасте, указывает на связь качества привязанности к близким людям и некоторых черт характера с переживанием страхов. Так, в работах зарубежных ученых [34; 40; 42; 47] отмечается влияние стиля привязанности на переживание социальной тревоги. В исследовании Рида с коллегами [42] установлено, что и беспокойство относительно отношений с близкими людьми, и избегание близких отношений оказывают влияние на рост социальной тревоги как в юношеском, так и в более зрелом возрасте. Основой такой тревоги чаще всего является сконцентрированность субъекта на себе и ожидание негативного оценивания со стороны окружающих. В недавнем обзоре исследований отмечалась позитивная связь ненадежной привязанности с симптомами тревоги и тревожными расстройствами [36]. При этом по одним данным [47] наиболее неблагоприятным из четырех стилей привязанности, выделенных Бартоломью и Хоровитц, в этом контексте, является избегающе-опасающийся стиль,

характеризующийся высоким избеганием и высоким беспокойством в отношениях с объектом привязанности, однако по другим [36] — тревожно-озабоченный стиль, отличающийся высоким уровнем беспокойства в близких отношениях.

Особого интереса заслуживают исследования связи разнообразных страхов с факторами “Большой пятерки”. Так, в исследовании американских ученых [41], выполненном на выборке студентов, были выявлены прямая корреляция между нейротизмом и доброжелательностью со страхом неудачи и обратная зависимость этих черт характера с боязнью успеха и его последствий; при этом экстраверсия и открытость были негативно связаны с каждым из перечисленных страхов. В ряде недавних работ была установлена взаимосвязь факторов “Большой пятерки” со страхом пропустить важные и интересные события. Однако результаты этих исследований оказались противоречивыми. Например, в исследованиях с турецкими респондентами в возрасте 14–21 лет [32] и с немецкими респондентами разных возрастов [43] была доказана позитивная связь нейротизма и негативная связь экстраверсии, открытости, доброжелательности и добросовестности с выраженностью этого страха. В исследовании индонезийских студентов, наоборот, была обнаружена прямая взаимосвязь страха пропустить важные и интересные события в социальных сетях с экстраверсией и негативная — с нейротизмом [46]. Чаморро с соавторами [33] выявили прямую связь экзаменационной тревожности сербских студентов с нейротизмом и обратную — с открытостью, добросовестностью и доброжелательностью. Таким образом, можно видеть, что данные о специфике личностной обусловленности страхов не только противоречивы, но и весьма разрозненны, поскольку получены, как правило, в исследованиях, направленных на изучение связей между отдельными страхами и сторонами личности, без проведения структурного анализа этих связей.

Цель исследования заключалась в выявлении зависимости переживания страха в студенческом возрасте от качества привязанности к близким людям и черт характера (факторов “Большой пятерки”).

Задачи исследования: 1) выполнить структурный анализ страхов, переживаемых студентами, и оценить качество полученной структурной модели; 2) оценить зависимость отдельных групп страхов от показателей избегания и беспокойства как характеристик качества эмоциональной привязанности студентов к близким людям, а также факторов “Большой пятерки”.

Нами были поставлены следующие *исследовательские вопросы*:

1) что представляет собой внутренняя (латентная) структура страхов, переживаемых студентами, если, конечно, таковая может быть выделена на основе эмпирических данных;

2) какую роль в детерминации страхов (их латентной структуры) играют личностные факторы: *черты характера* субъекта (интегральные факторы “Большой пятерки”) и *качество привязанности* к близким людям (*избегание* близких отношений и *беспокойство* по поводу потери отношений с объектом привязанности).

МЕТОДИКА

Участники исследования. 94 студента российских вузов очной и заочной форм обучения в возрасте 18–22 лет ($M = 19.5$; $SD = 0.6$; 82% — девушки). Участникам было предложено ответить на вопросы в онлайн-режиме посредством заполнения Google Forms. Обследование занимало 50–60 мин, носило добровольный характер и проводилось в октябре–декабре 2021 г. Использовались методика изучения интенсивности страхов Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой [31]; опросник привязанности к близким людям (*ECR*) Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского [26], опросник стиля привязанности Дж. Финей и др. (*ASQ*) в адаптации Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского [44]; методика “Большая пятерка” (*5PFQ*) П. Коста и Р. Маккрае в адаптации С.А. Щebetенко [30].

На начальной стадии исследования для выявления латентной структуры страхов был использован метод главных компонент (*PCA*) в облических координатах. Выбор данного метода анализа с содержательной стороны обусловлен тем, что наличие одной группы страхов в структуре эмоциональной сферы личности не исключает наличия в этой структуре страхов другой модальности. Качество найденной структурной модели оценивалось с помощью конфирматорного факторного анализа (*CFA*). Для установления зависимости переживания страха от качества привязанности (шкалы опросников *ASQ* и *ECR*) и факторов “Большой пятерки” (шкалы *5PFQ*) использовался множественный регрессионный анализ (*MRA*). Статистическая обработка осуществлялась в программе *JASP 0.16.0.0*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявление структуры страхов. На основе эмпирических данных, полученных с помощью опросника Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой, была выделена обобщенная латентная структура страхов, переживаемых студентами. Для этого использовался

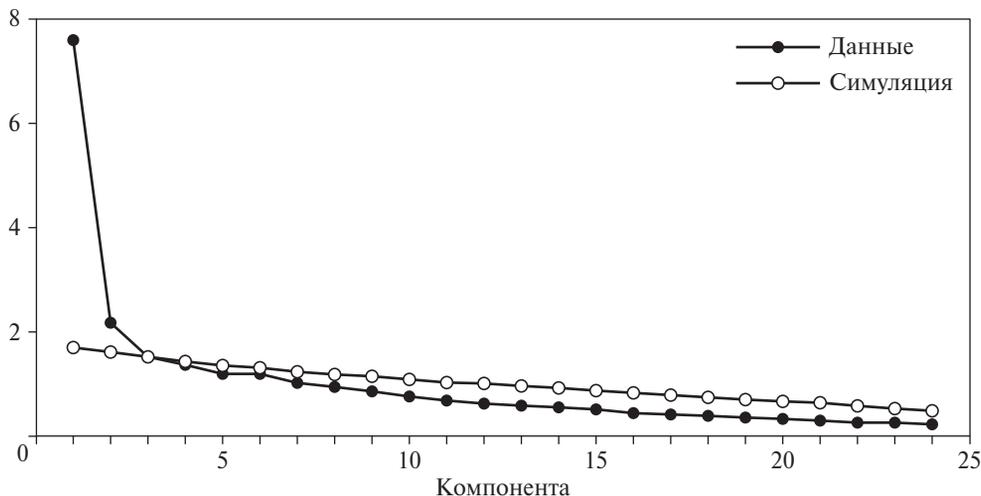


Рис. 1. График собственных значений (диаграмма “каменистой осыпи”)

метод главных компонент (*PCA*), на возможность применения которого указали критерий адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина (*KMO*) и критерий сферичности (многомерной нормальности) Бартлетта ($KMO = 0.837$; $\chi^2 = 581.55$; $df = 186$; $p \leq 0.001$).

При решении вопроса о количестве выделяемых компонент использовался критерий отсеивания Кэттелла (рис. 1).

По рис. 1 видно, что в точках графика с абсциссами 3 и 4 убывание величин собственных значений слева направо максимально замедляется, поэтому, исходя из опытных данных, в структуре страхов студентов можно попытаться выделить соответственно три или четыре компоненты (“фактора”). Далее с помощью *PCA* с использованием процедуры *Promax* вращения (в облических координатах) было найдено четырехкомпонентное решение, которое в отличие от трехкомпонентного решения устроило нас как с количественной (выше доля объясненной дисперсии, около 53%), так и содержательной стороны, поэтому оно было выбрано как окончательное (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что страхи респондентов объединились в четыре группы, которые мы обозначили соответственно как “Страхи неконтролируемых событий” (31.6% объясненной дисперсии), “Природные страхи” (9.1%), “Социальные страхи” (6.4%) и “Страх потери самоконтроля” (5.6%). Найденное решение было оценено с помощью *CFA*, который показал приемлемое в статистическом смысле соответствие модели эмпирическим данным ($CFI = 0.952$; $TLI = 0.918$; $RMSEA = 0.07$; $SRMR = 0.08$).

Результаты *PCA* указывают на то, что наиболее выраженной оказалась группа страхов неконтроли-

руемых событий, так как описывает наибольший процент общей выборочной дисперсии. Среди страхов, вошедших в первую компоненту, и наиболее переживаемых студентами, следует прежде всего выделить страх, вызванный болезнью близких людей ($M = 8.46$; $SD = 2.19$), страх, связанный с изменениями в жизни, вызванными болезнью близких людей ($M = 7.18$; $SD = 2.84$), страх войны ($M = 6.23$; $SD = 2.89$) и страх оказаться жертвой нападения ($M = 6.20$; $SD = 2.99$). Примечательно, что страх заболеть самому также входит в первую компоненту, но выражен в меньшей степени ($M = 5.07$; $SD = 2.96$), чем страх за жизнь и здоровье близких людей. Заметим, что страх неопределенности будущего также представлен в эмоциональной сфере студентов ($M = 6.09$; $SD = 2.81$); эта переменная нагрузила преимущественно первую компоненту, однако ее вес оказался меньше 0.4, поэтому страх данной модальности не был включен в “факторное” решение.

Вторыми по степени выраженности и интенсивности проявлений являются природные страхи, среди которых первое место занимает страх змей, пауков ($M = 6.68$; $SD = 2.82$), глубины ($M = 5.82$; $SD = 3.22$) и высоты ($M = 5.30$; $SD = 3.07$). На третьем месте — традиционные для студенческого возраста академические или так называемые социальные страхи, представленные двумя составляющими: боязнь экзаменов и ситуации проверки знаний ($M = 6.88$; $SD = 2.40$) и страхом публичных выступлений ($M = 5.86$; $SD = 2.55$). Следует обратить внимание и на то, что страх начальника (преподавателя) оказался у участников исследования достаточно выраженным на фоне других страхов ($M = 5.82$; $SD = 2.46$), он ожидаемо вошел в третью компоненту, однако с небольшим весом, поэтому не был включен в итоговое решение *PCA*.

Таблица 1. Матрица факторных нагрузок после вращения Promax (PCA)*

Перечень страхов	Компоненты (“факторы”)			
	1	2	3	4
Болезнь близких людей	0.536			
Стать жертвой преступления	0.415			
Изменений в личной жизни (ухудшения взаимоотношений, развод)	0.585			
Старости	0.858			
Болезней сердца (учащение ритма, болевые ощущения)	0.509			
Войны	0.503			
Смерти	0.774			
Неблагоприятных изменений в жизни из-за болезни близких	0.730			
Болезни	0.785			
Змей, пауков		0.574		
Темноты		0.754		
Замкнутого пространство (лифт, закрытая комната)		0.861		
Высоты		0.699		
Глубины		0.552		
Экзаменов			0.712	
Публичных выступлений			0.863	
Изменений в психическом состоянии				0.515
Ответственности и принятия решения				0.474
Самоубийства				0.691
Проявления агрессии по отношению к близким				0.797
Начальника (преподавателя)**				
Бедности**				
Неопределенности будущего**				
Страхи, связанные с половой функцией**				

Примечание. * Во внимание принимались факторные нагрузки $|a_{ij}| \geq 0.4$.

** Переменная не вошла ни в один из “факторов”.

Наименее выраженной оказалась группа страхов, связанных с потерей самоконтроля: страх ответственности, собственной агрессии и др. Наиболее выраженные из них: страх ответственности ($M = 5.76$; $SD = 2.50$) и болезненных изменений в психике ($M = 5.10$; $SD = 2.80$). Страх самоубийства, также вошедший в эту группу, по данным исследования является наименее выраженным из всех студенческих страхов ($M = 2.92$; $SD = 2.68$).

Анализ регрессионных моделей. Выделенные компоненты (категории страхов) были сохранены в базе данных в качестве самостоятельных переменных, после чего мы проверили ряд гипотез, связанных с влиянием эмоциональной привязанности и черт характера на переживание страха студентами. Для этой цели был использован множественный регрессионный анализ (*MRA*) обратным пошаговым методом (Backward). Оценивались *четыре регрессионные модели*, в которых последовательно в качестве зависимой переменной выступали компоненты, выделенные с помощью *PCA* (т.е. четыре категории страхов), а независимыми переменными являлись различные проявления привязанности (шкалы *ECR* и *ASQ*) и факторы “Большой пятерки” (шкалы *5PFQ*).

Перед представлением результатов *MRA* были проверены условия его применимости на выборке. Так, на основе визуального анализа корреляционной матрицы взаимосвязей между зависимой и независимыми переменными было обнаружено большое количество статистически значимых парных линейных корреляций, что свидетельствует в пользу применения *MRA*, предназначенного для оценивания линейного взаимодействия переменных. Кроме того, нами не было обнаружено эффекта мультиколлинеарности, так как корреляции между независимыми переменными не превосходили по модулю значение $r = 0.7$. На отсутствие мультиколлинеарности указали также фактор увеличения дисперсии ($VIF > 10$) и допустимое отклонение дисперсии ($Tolerance < 0.1$), которые находились в допустимых границах. Нормальность распределения всех участвующих в анализе количественных переменных доказана с помощью $k-s$ -критерия Колмогорова—Смирнова ($p > 0.10$). При этом наши данные не содержали выбросов: значений, выходящих за пределы отрезка $[Q_1 - 1.5IQR; Q_3 + 1.5IQR]$, где Q_1 и Q_3 — нижний и верхний квартили распределения соответственно, а IQR — межквартильный размах.

Таблица 2. Общая статистическая оценка регрессионных моделей

Номер модели	AdjR ²	F	p	RMSE(H ₁)	RMSE(H ₀)
1	0.448	5.199	0.001	0.69	0.86
2	0.171	3.599	0.038	0.82	0.76
3	0.374	4.937	0.003	0.72	0.86
4	0.283	4.480	0.009	0.87	0.93

Примечание. AdjR² — скорректированный коэффициент множественной детерминации; F — статистика Фишера; p-уровень значимости; RMSE(H₁) — квадратный корень из среднеквадратической ошибки модели; RMSE(H₀) — среднеквадратическая ошибка для нулевой (“эталонной”) модели.

Проведем вначале общую оценку качества регрессионных моделей, проанализировав индексы AdjR², RMSE и результаты дисперсионного анализа (табл. 2).

Представленные в табл. 2 показатели AdjR² указывают на то, что регрессионные модели объясняют от 17.1 до 44.8% вариативности зависимой переменной. Если судить по скорректированному коэффициенту множественной детерминации, то самой информативной является модель 1 (зависимая переменная — “Страх неконтролируемых событий”), а наименее информативной — модель 2 (зависимая переменная — “Природные страхи”). При этом по данным дисперсионного анализа все коэффициенты множественной детерминации оказались статистически значимыми. При сравнении индексов RMSE(H₁) с их эталонными значениями можно сделать вывод об удовлетворительном качестве трех моделей из четырех построенных. При этом вторая модель на основе данной оценки не может быть признана информативной, так как RMSE(H₁) = 0.82 > RMSE(H₀) = 0.76. Заметим, она

объясняет лишь около 17% общей дисперсии зависимой переменной как было показано выше. Впрочем, о качестве (пригодности) этой модели говорит отношение Фишера, поэтому модель 2 также была взята для анализа и содержательной интерпретации.

В табл. 3 представлены стандартизированные коэффициенты для четырех уравнений множественной регрессии и значения t-статистики на различных уровнях статистической значимости.

Перед тем как перейти к интерпретации уравнений, был проведен анализ остатков, полученных при построении каждой линейной модели, т.е. отклонений наблюдаемых значений от теоретически ожидаемых. Фактически речь шла о соблюдении условий теоремы Гаусса–Маркова при реализации метода наименьших квадратов (МНК). Для этого для каждой из четырех моделей были доказаны гомоскедастичность остатков, отсутствие линейной зависимости между остатками (отсутствие эффекта автокорреляции) и нормальность распределения

Таблица 3. Оценка параметров аппроксимации регрессионных моделей

Предикторы	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	β	t	β	t	β	t	β	t
<i>ECR</i>								
Избегание	—	—	—	—	−0.56	−3.34**	—	—
Беспокойство	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ASQ</i>								
Избегание	1.77	3.09**	—	—	—	—	—	—
Беспокойство	—	—	—	—	−0.64	−1.72	—	—
Уверенность	0.51	1.70	0.52	1.86	—	—	—	—
Дискомфорт	−1.32	2.76**	—	—	0.56	2.56*	—	—
Второстепенность	—	—	—	—	—	—	—	—
Поиск одобрения	—	—	—	—	0.87	2.85**	—	—
Озабоченность	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>SPFQ</i>								
Экстраверсия	0.70	2.77**	−0.73	−2.62*	—	—	−0.39	−1.71
Доброжелательность	—	—	—	—	—	—	−0.33	−1.8
Добросовестность	—	—	—	—	—	—	0.60	2.99**
Нейротизм	0.51	3.00**	—	—	—	—	—	—
Открытость опыту	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание. β — стандартизированный коэффициент регрессии; t — статистика Стьюдента; * p ≤ 0.05, ** p ≤ 0.01.

остатков (отсутствие существенных отклонений распределения остатков от закона Гаусса).

На рис. 2 представлена зависимость между остатками и предсказанными стандартизированными значениями для модели 1. По диаграмме рассеяния можно сделать вывод о том, что ошибки предсказания постоянны на всем промежутке изменений зависимой переменной. Полученный результат указывает на гомоскедастичность остатков для рассматриваемой модели.

В случае оставшихся трех регрессионных моделей анализ проводился подобным образом и привел к сходным результатам.

Для проверки предположения о независимости остатков регрессионной модели друг от друга мы воспользовались критерием Дарбина–Уотсона (Durbin–Watson test) (табл. 4).

Как видно из табл. 4, величины автокорреляции остатков (Autocorrelation) для всех регрессионных моделей принимают значения в районе нуля, все статистики d Дарбина–Уотсона попадают в диапазон от 1 до 3 и являются статистически незначимыми ($p > 0.10$). Полученный результат говорит о случайности остатков для всех регрессионных моделей, т.е. об отсутствии в них выраженного эффекта автокорреляции.

Предположение о нормальности распределения остатков регрессионных моделей оценивалось с помощью квантиль-квантильного графика. На рис. 3 представлен $Q-Q$ -график для первой регрессионной модели.

По рис. 3 можно сделать вывод о том, что предположение о нормальности остатков для модели 1 не было нарушено. Аналогичным образом была доказана нормальность распределения остатков для остальных регрессионных моделей.

Таким образом, остатки в полученных моделях являются некоррелированными, имеют равные дисперсии, и среднее значение остатков не отличается от нуля. Поэтому на основе результатов *MRA* можно делать достоверные выводы о наличии зависимости страхов, переживаемых студентами, как от качества привязанности к близким людям, так и от отдельных черт характера (факторов “Большой пятерки”). Наконец мы можем перейти к интерпретации регрессионных моделей.

Согласно **первой модели**, избегание отношений и дискомфорт, связанный с близкими отношениями, а также экстраверсия и нейротизм являются предикторами *страхов неконтролируемых событий* (старости, войны, болезни, расставания и т.п.). **Вторая модель** указывает на то, что экстраверсия имеет обратное влияние на страхи, связанные

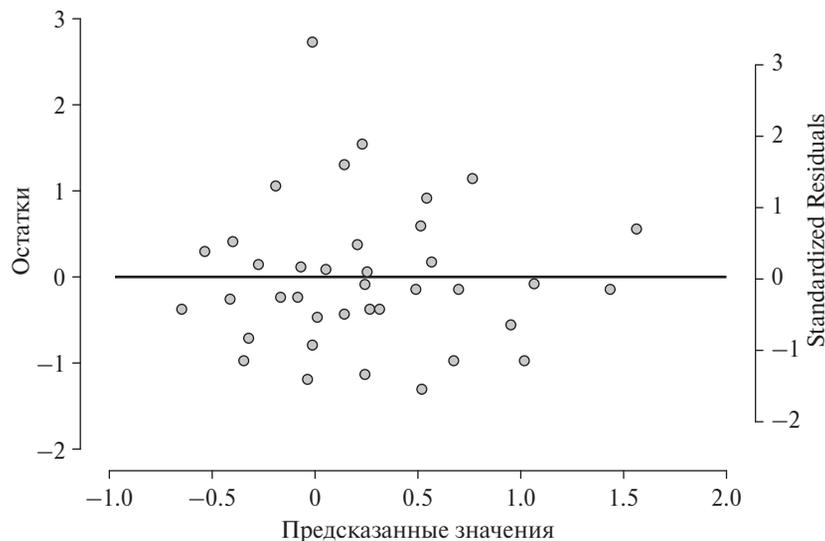


Рис. 2. Зависимость остатков регрессионной модели 1 от предсказанных стандартизированных значений

Таблица 4. Оценка автокорреляции остатков с помощью критерия Дарбина–Уотсона

Регрессионная модель	Durbin–Watson		
	Autocorrelation	d	p
1	-0.06	2.05	0.723
2	-0.05	2.09	0.645
3	0.11	1.67	0.405
4	-0.05	1.93	0.996

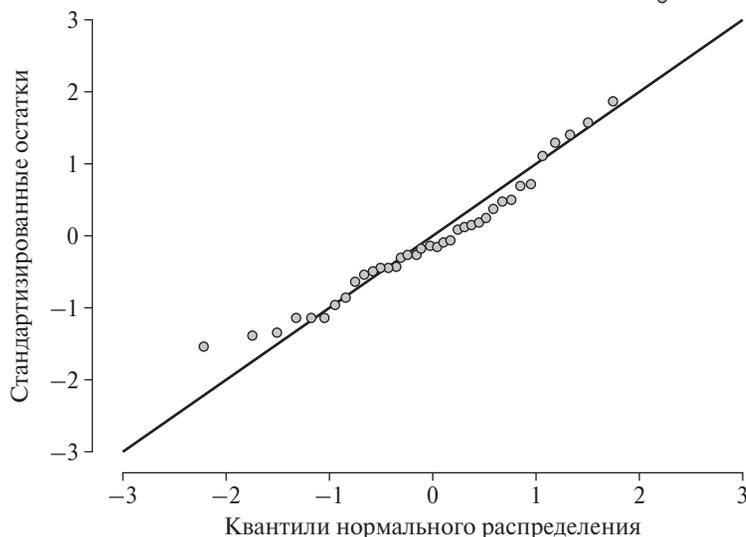


Рис. 3. Квантиль-квантильный график для оценки нормальности распределения остатков для первой регрессионной модели

с природными явлениями. В соответствии с **третьей моделью** избегание близких отношений, переживание дискомфорта от близких отношений и поиск одобрения окружающих — предикторы страхов, связанных с *социальным взаимодействием в условиях вуза*. Избегание отношений привязанности вошло в уравнение регрессии с отрицательным знаком, что свидетельствует об его обратном влиянии на интенсивность переживания социальных страхов (юноши и девушки с меньшей потребностью в близких отношениях меньше боятся публичных выступлений и экзаменов). И наконец **четвертая модель** показывает, что высокие показатели добросовестности являются предиктором страха *потери самоконтроля*.

Значимых связей страхов студентов с беспокойством в отношениях привязанности, открытостью новому опыту и доброжелательностью выявлено не было.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

На основе метода главных компонент страхи студентов — участников настоящего исследования были объединены в четыре группы: “Страхи неконтролируемых событий”, “Природные страхи”, “Студенческие страхи” и “Страх потери самоконтроля”. Заметим, что выделенная нами структура несколько отличается от полученных в предыдущих исследованиях [9; 10; 31]. Наиболее выраженными в нашем исследовании оказались страхи, связанные с неконтролируемыми событиями. Эта группа близка по содержанию к группе страхов, “связанных с изменениями в жизни”, выделенной Е.Г. Логиновой [18], и включает страхи, отмеченные как

преобладающие у студентов, принявших участие в недавнем исследовании Л.Е. Киреевой с соавторами: страх перед изменениями и будущим и страх смерти и потери близких [11]. Наибольшая выраженность страха болезни близких среди других страхов отмечалась в ряде исследований, проведенных на разных выборках до и во время пандемии [20; 31], что позволяет сделать вывод об универсальности этого страха для разных возрастов и контекста ситуации. Высокие рейтинги страха неблагоприятных изменений в жизни из-за болезни близких и неопределенности могут быть объяснены современной социальной ситуацией, непосредственно связанной с событиями последних лет, характеризующимися социальной изоляцией, информацией СМИ о рисках, связанных с вирусом, и о возможном экономическом кризисе, неопределенностью ближайшего и отдаленного будущего [12].

Проведенное исследование показало, что в психике студентов ярко представлены природные страхи, включенные в большинство классификаций [10; 31]. Группа социальных страхов в нашем исследовании оказалась представленной двумя: экзаменов и публичных выступлений (так называемыми студенческими страхами [29]). Эти страхи являются специфическими для студенческой аудитории, поскольку связаны с основной деятельностью для большинства обследуемых. Следует заметить, что страхи, связанные с академической деятельностью студентов, в большей степени подвластны коррекции, так как легче всего объективируемы и могут стать основной мишенью терапевтической работы вузовской психологической службы. Наименее выраженным для студентов оказались страхи, связанные с возможной потерей самоконтроля.

При этом чаще всего среди страхов этой группы участники исследования отмечали страх ответственности. На распространенность этого страха среди студентов указывают и другие авторы (см., например, [18]).

Исследование обнаружило различия в личностной детерминации выделенных групп страхов. Согласно нашим ожиданиям, три группы страхов оказались обусловленными качеством привязанности и чертами характера студентов. Так, страх природных явлений сильнее выражен у более интровертированных студентов. Высокая добросовестность является фактором риска в развитии страха потери самоконтроля. Более добросовестные студенты в силу этой черты характера больше боятся ответственности и тревожатся относительно принятия правильных решений в сравнении с менее добросовестными; они чаще имеют страхи, связанные с возможными трудностями в саморегуляции эмоций (негативных изменений в своем психическом состоянии, агрессивного поведения в отношении себя и других). Экстраверсия и нейротизм являются значимыми предикторами *страхов неконтролируемых событий* (войны, болезни, расставания и др.), что согласуется с данными исследований, указывающих на более сильное реагирование на неопределенность индивидов с более высокими показателями эмоциональной нестабильности [37; 39], и с данными исследований, указывающих на большую подверженность экстравертов в сравнении с интровертами тревоге во время социальной изоляции в силу ограниченности привычного копинг-ресурса в стрессовой ситуации — общения [35]. Эти характерологические особенности студентов педагогам и психологам следует принимать во внимание при профилактической и коррекционной работе с тревогой и страхами.

Вопреки нашим ожиданиям и вразрез с исследованием, проведенным на выборке сербских студентов [33], *“студенческие страхи”* в нашей выборке не зависят от факторов “Большой пятерки”. Видимо, внешние факторы (актуальная академическая ситуация) являются более сильным предиктором этих страхов, чем особенности личности студентов.

Характеристики качества привязанности: избегание близких отношений, переживание дискомфорта от близких отношений и поиск одобрения окружающих — напротив, выступили единственными из рассмотренных нами предикторов страхов, связанными с социальным взаимодействием. Выяснилось, что для студентов с привязанностью, характеризующейся более выраженным дискомфортом от близких отношений, и для студентов,

зависимых от одобрения значимых других, свойственно более интенсивное переживание страхов, связанных с социальным взаимодействием в условиях процесса обучения. Избегание близких отношений негативно влияет на переживание социальных, *“студенческих страхов”*. Мы связываем это тем, что, согласно теории привязанности, индивиды с избегающей привязанностью уделяют незначительное внимание взаимоотношениям и сосредоточены на изучении окружающего мира, в нашем случае на учебе, что способствует их более высокой академической успешности и большей уверенности в успехе своих публичных выступлений и ответов на экзамене. Напротив, люди с зависимым стилем привязанности, характеризующимся высоким беспокойством относительно отношений с близкими, остро нуждаются во внимании и заботе и отличаются большей чувствительностью к социальному оцениванию [40], которая, в свою очередь, способствует переживанию социальной тревоги [38].

Наиболее уязвимыми к самому выраженному у респондентов страху — *неконтролируемых событий* — оказались студенты, избегающие близких отношений и испытывающие дискомфорт от близких отношений. Причину этого мы видим в следующем. Избегание близких отношений в силу их субъективной незначимости или из-за переживания дискомфорта от близких эмоциональных связей приводит представителей этого стиля привязанности к ограничению социальных контактов и доверительного общения с близкими. Располагая более низким ресурсом социальной поддержки, эти индивиды вынуждены полагаться только на себя, что заставляет их больше тревожиться о ситуациях, неподвластных их контролю [45]. Полученные результаты находятся в соответствии с исследованиями, указывающими на связь склонности к доверительному общению и стрессоустойчивости [23], и результатами эмпирического исследования связи страха смерти и привязанности, выполненного М. Микулинсером с коллегами [40], обнаружившего различия в переживании страха смерти у представителей разных стилей привязанности: представители избегающих стилей привязанности в большей степени избегали неопределенности, связанной со страхом смерти, чем представители тревожно-амбивалентного и надежного стилей.

Проведенное исследование имеет ограничения. Во-первых, в связи с тем, что сбор данных осуществлялся на основе фиксированного списка страхов, отдельные актуальные страхи студентов, не вошедшие в список, могли остаться за рамками нашего исследования и поэтому не вошли в анализируемую структурную модель. Во-вторых, подавляющее

большинство участников проведенного исследования — девушки (82%), что не позволяет в полной мере экстраполировать полученные результаты на всю студенческую молодежь. В связи с этим задачу организации последующих исследований мы видим в достижении большей сбалансированности выборки по полу и применении методов, направленных на выявление более полной картины страхов современных студентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить и статистически обосновать внутреннюю структуру страхов, переживаемых студентами, компонентами которой являются страх неконтролируемых событий, природные и социальные (“студенческие”) страхи, страх потери самоконтроля. На основе анализа регрессионных уравнений установлена личностная детерминация переживания страхов в студенческом возрасте, где в качестве предикторов выступили показатели эмоциональной привязанности и черты характера — факторы “Большой пятерки”. Исследование показало, что наиболее уязвимыми к самому выраженному у респондентов страху — *неконтролируемых событий* — оказались студенты, избегающие близких отношений, т.е. менее открытые для доверительного общения. Предикторами этой группы страхов также стали экстраверсия и нейротизм (эмоциональная неустойчивость личности). Интенсивность *студенческих страхов* обусловлена особенностями привязанности, свойственными избегающе-опасающемуся и зависимому стилям. Природные страхи связаны с интроверсией, а страхи потери самоконтроля — с добросовестностью.

Результаты проведенного исследования представляют практический интерес для педагогов и психологов вуза. Рассмотренные в работе виды страхов присущи всем участникам исследования. Позитивная сторона переживания страхов — мобилизация сил для преодоления тревожащих ситуаций и проявление осторожности во избежание опасности или негативного хода событий. Однако чрезмерно интенсивное переживание страхов может препятствовать личностному росту и нормальному развитию студентов, дезорганизовать деятельность, в том числе учебную. Поэтому необходимо научить студентов осознавать страхи, объективировать их с помощью различных психологических техник и затем корректировать свое восприятие пугающих объектов и явлений, поведение. Разработка коррекционно-профилактических программ анализа и преодоления различных страхов может

стать важной задачей внеучебной работы со студентами, которая может позитивно повлиять на их академические успехи и личностное развитие.

Осуществлять индивидуальный подход в этом процессе поможет знание места индивидуальных особенностей личности (“внутренних условий”) в детерминации страхов студентов, которые, как показало наше исследование, являются предикторами характера переживания страхов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаленская З.В., Дмитриева Н.А., Шамина М.П.* Диалогическая технология как средство преодоления социальных страхов у будущих педагогов-психологов // Вестник научных конференций. 2015. № 3–1 (3). С. 7–9.
2. *Акопов Г.В., Акопян Л.С., Тимошкин С.И.* Особенности эмоционального профиля и содержание социальных страхов студенческой молодежи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. Т. 21. № 69. С. 10–15.
3. *Божович Л.И.* Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейн. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
4. *Быховец Ю.В.* Интенсивность информационного воздействия как психотравмирующий фактор ситуации вирусной угрозы // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 37–48.
5. *Василенко А.А., Плотникова Е.С.* Возрастное изменение актуальных страхов человека // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12 (44). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/12/43015> (дата обращения: 14.10.2021).
6. *Вилюнас В.К.* Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
7. *Ермолаев В.В., Воронцова Ю., Насонова Д.К., Четверикова А.И.* Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2021. Т. 41. № 1. С. 27–38.
8. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Отношение жителей России к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18.
9. *Захаров А.И.* Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Союз, 2000.
10. *Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998.

11. *Киреева Л.Е., Родионова В.И., Швачкина Л.А.* Социальная ситуация неопределенности: специфика восприятия и переживание страхов студентами в период вынужденной самоизоляции // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. статей XXXV Межд. научно-практической конференции: В 2 ч.* Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 173–175.
12. *Ковпак Д.В.* Кризис и пандемия — опасности и возможности // *Психологическая газета.* URL: <https://psy.su/feed/8211/> (дата обращения: 15.01.2022).
13. *Кондрашихина О.А., Медведева С.А.* Психологическая оценка социальных страхов студентов-психологов // *Гуманитарно-педагогическое образование.* 2018. Т. 4. № 3. С. 17–24.
14. *Кормушина Н.Г.* Психолого-педагогическая коррекция экзистенциальных страхов у старших подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2011.
15. *Крутых Е.В.* Социальные страхи студентов: страх ошибки // *Инновационная наука.* 2016. № 1–2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-strahi-studentov-strah-oshibki> (дата обращения: 10.09.2021).
16. *Куликов Л.В.* Катастрофизм в массовом сознании как детерминанта состояния страха // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности.* 2015. № 5. С. 66–75.
17. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
18. *Логинова Е.Г.* Страх в нравственном сознании студентов педвуза (опыт конкретного социологического исследования) // *Известия РГПУ имени А.И. Герцена.* 2007. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-v-nravstvennom-soznanii-studentov-pedvuza-opyt-konkretnogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 16.11.2021).
19. *Макарова И.П.* Особенности переживания экзистенциальных страхов юношами и девушками с разными смысложизненными направленностями: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2014.
20. *Миханова Е.В., Цветкова Н.А.* Страхи 18–30-летних жителей Москвы и Московской области в пандемическом и постпандемическом периодах // *Ученые записки РГСУ.* 2021. Т. 20. № 1 (158). С. 85–95.
21. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // *Вестник РУДН. Серия: Социология.* 2013. № 4. С. 66–78.
22. *Психотерапия: Учебник для вузов. 4-е изд. / Под ред. Б.Д. Карвасарского.* СПб.: Питер, 2012.
23. *Овчинникова М.Б., Соценко Т.М.* Личностные характеристики руководителей с разным уровнем устойчивости к организационному стрессу // *Вестник Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.* Серия с. Псіхалага-педагагічныя навукі: педэдагогіка, псіхалогія, методыка. 2021. Т. 2. № 58. С. 98–103.
24. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2000.
25. *Ромек В.Г.* Поведенческая терапия страхов // *Прикладная психология.* 2002. № 4. С. 73.
26. *Сабельникова Н.В., Каширский Д.В.* Опросник привязанности к близким людям // *Психологический журнал.* 2015. Т. 36. № 4. С. 79–87.
27. *Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огарков Ю.Л., Жиганов Л.С.* Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19 // *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология.* 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 245–268.
28. *Соколовская О.К., Соколова А.А.* Страх смерти у современной молодежи // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности.* 2011. № 1. С. 197–201.
29. *Тарасова Л.Е.* Страх перед экзаменами и его детерминанты у студентов-гуманитариев // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика.* 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-pered-ekzamenami-ego-determinanty-u-studentov-gumanitarijev> (дата обращения: 10.09.2021).
30. *Шебетенко С.А.* Черты личности в рефлексии и жизненных проявлениях человека: Дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2017.
31. *Щербатых Ю.В.* Психология страха. М.: Магистр-Пресс, 1999.
32. *Balta S., Emirtekin E., Kircaburun K., Griffiths M.* Neuroticism, Trait Fear of Missing Out, and Phubbing: The Mediating Role of State Fear of Missing Out and Problematic Instagram Use // *International Journ. of Mental Health Addiction.* 2020. V. 18. P. 628–639.
33. *Chamorro T., Ahmetoglu G., Furnham A.* Little more than personality: Dispositional determinants of test anxiety (the Big Five, core self-evaluations, and self-assessed intelligence) // *Learning and Individual Differences.* 2008. V. 18. № 2. P. 258–263.
34. *Eng W., Heimberg R., Hart T., Schneier F., Liebowitz M.* Attachment in individuals with social anxiety disorder: The relationship among adult attachment styles, social anxiety, and depression // *Emotion.* 2001. V. 1. № 4. P. 365–380.
35. *Gruda D., Ojo A.* Inferring the relationship between anxiety and extraversion from tweets during COVID-19 — A linguistic analytics approach // *Proceedings of the 54th Hawaii International Conference on System Sciences.* Hawaii, 2021. URL: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/handle/10125/70942>
36. *Guo L., Ash J.* Anxiety and Attachment Styles: A Systematic Review // *4th International Seminar on Education,*

- Management and Social Sciences. Dali: Atlantis Press, 2020. P. 1005–1012.
37. *Hirsh J.B., Inzlicht M.* The devil you know: Neuroticism predicts neural response to uncertainty // *Psychological Science*. 2008. V. 1. № 10. P. 962–967.
38. *Kotov R., Watson D., Robles J.P., Schmidt N.B.* Personality traits and anxiety symptoms: The multilevel trait predictor model // *Behavior Research and Therapy*. 2007. V. 45. № 7. P. 1485–1503.
39. *Lommen M.J.J., Engelhard I.M., van den Hout M.A.* Neuroticism and avoidance of ambiguous stimuli: Better safe than sorry? // *Personality and Individual Differences*. 2010. V. 49. № 8. P. 1001–1006.
40. *Mikulincer M., Florian V., Tolmacz R.* Attachment styles and fear of personal death: A case study of affect regulation // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58 (2). P. 273–280.
41. *Piedmont R.* Another look at fear of success, fear of failure, and test anxiety: A motivational analysis using the five-factor model // *Sex Roles*. 1995. V. 32. № 3. P. 139–158.
42. *Read D.L., Clark G.I., Rock A.J., Coventry W.L.* Adult attachment and social anxiety: The mediating role of emotion regulation strategies // *PLoS ONE*. 2018. V. 13. № 12. Art. e0207514. DOI: 10.1371/journal.pone.0207514
43. *Rozgonjuk D., Sindermann C., Elhai J., Montag C., Rozgonjuk D., Sindermann C., Elhai J., Montag C.* Individual differences in Fear of Missing Out (FoMO): Age, gender, and the Big Five personality trait domains, facets, and items // *Personality and Individual Differences*. 2021. V. 171. P. 1105–1146.
44. *Sabelnikova N., Kashirsky D.* Validation of the Russian version of “Attachment Style Questionnaire” (ASQ, J.A. Feeney, P. Noller, M. Hanrahan, 1994). *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology*. Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 954.
45. *Simpson J., Rholes W., Nelligan J.* Support seeking and support giving within couples in an anxiety-provoking situation: The role of attachment styles // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 62. № 3. P. 434–446.
46. *Tresnawati F.R.* The Big Five Personality Traits predict Fear of Missing out about social media // *Intuisi Jurnal Ilmiah Psikologi*. 2016. V. 8. № 3. P. 179–185.
47. *Vertue F.* From Adaptive Emotion to Dysfunction: An Attachment Perspective on Social Anxiety Disorder // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. V. 7. № 2. P. 170–191.

ATTACHMENT AND PERSONALITY TRAITS AS PREDICTORS OF FEARS IN STUDENT AGE

N. V. Sabelnikova^{1,*}, D. V. Kashirsky^{2,3,**}, A. V. Nefyodova^{4,***}, G. G. Ernst^{1,****}

¹*Altai State Pedagogical University;
656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55, Russia.*

²*Russian State Social University;
129226, Moscow, Wilhelm Pieck str., 4, bldn. 1, Russia.*

³*Financial University under the Government of the Russian Federation;
125993, Moscow, Leningradsky pr., 49/2, Russia.*

⁴*Vladimir State University;
600000, Vladimir, Gor'kogo str., 87, Russia.*

**PhD (Psychology), Associate Professor, Institute of Psychology and Pedagogics, Department of Psychology.
E-mail: nsabelni@mail.ru*

***ScD (Psychology), Professor, Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, RSSU;
Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, ASU.
E-mail: psymath@mail.ru*

****Senior Lecturer, Chair of Social Pedagogics and Psychology.
E-mail: a.nefyodova@yandex.ru;*

*****PhD (Pedagogics), Associate Professor, Institute of Psychology and Pedagogics, Department of Psychology.
E-mail: gg_ernst@mail.ru*

Received 11.04.2022

Abstract. The article presents the results of a study of the predictors of students' fears. The sample consisted of university students ($N = 94,82\%$ — women) aged 18–22. The measure of intensity of fears by Yu.V. Shcherbatykh and E.I. Ivleva, the questionnaire “Experience of close relationships” (ECR) by N.V. Sabelnikova and D.V. Kashirsky, Attachment Style Questionnaire by J. Finey et al. (ASQ) adapted by N.V. Sabelnikova, D.V. Kashirsky, the “Big Five” (SPFQ) technique by P. Costa and R. McCrae adapted by S.A. Shchebetenko were used in the study. Based on the principal component analysis (PCA), the structure of fears experienced by students was revealed. It included “fears of uncontrollable events” (changes in personal life, death, illness, etc.), “natural fears” (darkness, enclosed space, snakes, spiders, etc.), “social fears” (exams, public speaking) fears and “fear of losing self-control” (aggression towards loved ones, auto-aggression, etc.). The quality of the structural model has been verified by confirmatory factor analysis. The analysis of regression equations (MRA) revealed the dependence of individual groups of fears on avoidance of attachment relationships, neuroticism, extraversion, and conscientiousness.

Keywords: fears, types of fears, attachment, anxiety, attachment avoidance, character traits, factors of the “Big Five”, student age.

REFERENCES

1. *Abalenskaya Z.V., Dmitriyeva N.A., Shamina M.P.* Dia-logicheskaya tekhnologiya kak sredstvo preodoleniya sotsial'nykh strakhovykh u budushchikh pedagogov-psikhologov. *Vestnik nauchnykh konferentsiy.* 2015. № 3–1 (3). P. 7–9. (In Russian)
2. *Akopov G.V., Akopyan L.S., Timoshkin S.I.* Osobennosti emotsional'nogo profilya i sodержaniye sotsial'nykh strakhov studencheskoy molodezhi. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki.* 2019. V. 21. № 69. P. 10–15. (In Russian)
3. *Bozhovich L.I.* Izbrannyye psikhologicheskiye trudy: Problemy formirovaniya lichnosti. Ed. D.I. Fel'dshteyn. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. (In Russian)
4. *Bykhovets Yu.V.* Intensivnost' informatsionnogo vozdeystviya kak psikhotravmiruyushchiy faktor virusnoy infektsii. *Psikhologicheskii zhurnal.* 2021. V. 42. № 5. P. 37–48. (In Russian)
5. *Vasilenko A.A., Plotnikova Ye.S.* Vozrastnoye izmeneniye aktual'nykh strakhov cheloveka. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii.* 2014. № 12 (44). [Elektronnyy resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/12/43015> (data obrashcheniya: 14.10.2021). (In Russian)
6. *Vilyunas V.K.* Psikhologiya emotsiy. Teksty. Eds. V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenreyter. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. (In Russian)
7. *Yermolayev V.V., Vorontsova Yu., Nasonova D.K., Chetverikova A.I.* Dinamika sotsial'nogo strakhovaniya u rossiyskikh grazhdan v period pervoy i vtoroy voln COVID-19. *Yestestvennyy psikhologicheskii zhurnal.* 2021. № 1 (41). P. 27–38. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Kitova D.A.* Otnosheniye zhiteley Rossii k informatsii o pandemii koronavirusa (na rasprostraneniye pol'zovateley poiskovykh sistem interneta). *Psikhologicheskii zhurnal.* 2020. V. 41. № 4. P. 5–18. (In Russian)
9. *Zakharov A.I.* Dnevnyye i nochnyye strakhi u detey. Saint Petersburg: Soyuz, 2000. (In Russian)
10. *Kempinski A.* Ekzistentsial'naya psikhiatriya. Moscow: Sovershenstvo, 1998. (In Russian)
11. *Kireyeva L.Ye., Rodionova V.I., Shvachkina L.A.* Sotsial'nyye situatsii neopredelennosti: vyyavleniye i perezhivaniye strakhovshchikov v period vynuuzhdennoy samoizolyatsii. *Fundamental'nyye i prikladnyye nauchnyye issledovaniya: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: Sb. statey XXXV Mezhd. nauchno-prakticheskoy konferentsii: V 2 ch.* Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2020. P. 173–175. (In Russian)
12. *Kovpak D.V.* Krizis i pandemiya — opasnosti i vozmozhnosti. *Psikhologicheskaya gazeta.* URL: <https://psy.su/feed/8211/> (data obrashcheniya: 15.01.2022). (In Russian)
13. *Kondrashikhina O.A., Medvedeva S.A.* Psikhologicheskaya otsenka sotsial'nykh strakhovykh studentov-psikhologov. *Gumanitarno-pedagogicheskoye obrazovaniye.* 2018. V. 4. № 3. P. 17–24. (In Russian)
14. *Kormushina N.G.* Psikhologo-pedagogicheskaya korektsiya ekzistentsial'no-strakhovykh u starshikh podrostkov: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Saratov, 2011. (In Russian)
15. *Krutkyh Ye.V.* Sotsial'nyye strakhi studentov: strakh oshibok. *Innovatsionnaya nauka.* 2016. № 1–2 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-strahistudentov-strah-oshibki> (data obrashcheniya: 10.09.2021). (In Russian)
16. *Kulikov L.V.* Katastrofizm v massovom soznanii kak determinanta sostoyaniya strakha. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti.* 2015. № 5. P. 66–75. (In Russian)
17. *Leont'yev A.N.* Potrebnosti, motivy i emotsii. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. (In Russian)
18. *Loginova Ye.G.* Strakh v npravstvennom otnoshenii studentov pedvuza (opyt individual'nykh sotsiologicheskikh issledovaniy) // *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena.* 2007. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-v-npravstvennom-soznanii-studentov-pedvuza-opyt>

- konkretnogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya (data obrashcheniya: 16.11.2021). (In Russian)
19. *Makarova I.P.* Osobennosti vozniknoveniya ekzistentsial'nykh strakhovykh yunoshey i devushek s proniknoveniyem chuvstvennozhiznennykh napravlennoyey: Avto-ref. dis. ... kand. psikholog. nauk. Rostov n/D, 2014. (In Russian)
 20. *Mikhanova Ye.V., Tsvetkova N.A.* Strakhi 18–30-letnikh zhiteley Moskvy i Moskovskoy oblasti v pandemicheskoy i postpandemicheskoy periodakh. *Uchenyye zapiski RGSU*. 2021. V. 20. № 1 (158). P. 85–95. (In Russian)
 21. *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Repertuar strakhovogo Rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proyekt-a. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2013. № 4. P. 66–78. (In Russian)
 22. *Psikhoterapiya: Uchebnik dlya vuzov. 4-ye izd.* Ed. B.D. Karvasarsky. Saint-Petersburg: Piter, 2012. (In Russian)
 23. *Ovčinnikova M.B., Socienko T.M.* Ličnostnyye charakteristiki rukovoditelyey s raznym urovniem ustojčivosti k orhanizacionnomu striessu. *Viesnik Mahilioŭskaha dzharžaŭnaha űniversiteta imia A.A. Kuliašova. Seriya c. Psicholaha-piedahahičnyja navuki: piedahohika, psichalohija, mietodyka*. 2021. V. 2. № 58. P. 98–103. (In Russian)
 24. *Prikhozhan A.M.* Trevozhnost' u detey i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i voznrastnaya dinamika. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO MODEK, 2000. (In Russian)
 25. *Romek V.G.* Povedencheskaya terapiya strakhov. *Prikladnaya psikhologiya*. 2002. № 4. P. 73. (In Russian)
 26. *Sabelnikova N.V., Kashirsky D.V.* Oprosnik prichastnosti k blizkim lyudyam. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. V. 36. № 4. P. 79–87. (In Russian)
 27. *Skotnikova I.G., Yegorova P.I., Ogarkov Yu.L., Zhiganov L.S.* Psikhologicheskkiye osobennosti vozniknoveniya neopredelennosti pri epidemii COVID-19. *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2020. V. 5. № 2 (18). P. 245–268. (In Russian)
 28. *Sokolovskaya O.K., Sokolova A.A.* Strakh smerti u sovremennoy molodezhi. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh yestestvennykh usloviyakh*. 2011. № 1. P. 197–201. (In Russian)
 29. *Tarasova L.Ye.* Strakh pered ekzamenami i yego determinanty u studentov-gumanitariyev. *Izv. Sarat. un-ta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-pered-ekzamenami-i-ego-determinanty-u-studentov-gumanitariyev> (data obrashcheniya: 10.09.2021). (In Russian)
 30. *Shchebetenko S.A.* Cherty lichnosti v refleksii i zhiznennykh proyavleniyakh cheloveka: Dis. ... d-ra psikholog. nauk. Perm, 2017. (In Russian)
 31. *Shcherbatykh Yu.V.* *Psikhologiya strakha*. Moscow: Magistr-Press, 1999. (In Russian)
 32. *Balta S., Emirtekin E., Kircaburun K., Griffiths M.* Neuroticism, Trait Fear of Missing Out, and Phubbing: The Mediating Role of State Fear of Missing Out and Problematic Instagram Use. *International Journ. of Mental Health Addiction*. 2020. V. 18. P. 628–639.
 33. *Chamorro T., Ahmetoglu G., Furnham A.* Little more than personality: Dispositional determinants of test anxiety (the Big Five, core self-evaluations, and self-assessed intelligence). *Learning and Individual Differences*. 2008. V. 18 (2). P. 258–263.
 34. *Eng W., Heimberg R., Hart T., Schneier F., Liebowitz M.* Attachment in individuals with social anxiety disorder: The relationship among adult attachment styles, social anxiety, and depression. *Emotion*. 2001. V. 1 (4). P. 365–380.
 35. *Gruda D., Ojo A.* Inferring the relationship between anxiety and extraversion from tweets during COVID-19 — A linguistic analytics approach. *Proceedings of the 54th Hawaii International Conference on System Sciences*. Hawaii, 2021. URL: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/handle/10125/70942>
 36. *Guo L., Ash J.* Anxiety and Attachment Styles: A Systematic Review. 4th International Seminar on Education, Management and Social Sciences. Dali: Atlantis Press, 2020. P. 1005–1012.
 37. *Hirsh J.B., Inzlicht M.* The devil you know: Neuroticism predicts neural response to uncertainty. *Psychological Science*. 2008. V. 1. № 10. P. 962–967.
 38. *Kotov R., Watson D., Robles J.P., Schmidt N.B.* Personality traits and anxiety symptoms: The multilevel trait predictor model. *Behavior Research and Therapy*. 2007. V. 45. № 7. P. 1485–1503.
 39. *Lommen M.J.J., Engelhard I.M., van den Hout M.A.* Neuroticism and avoidance of ambiguous stimuli: Better safe than sorry? *Personality and Individual Differences*. 2010. V. 49. № 8. P. 1001–1006.
 40. *Mikulincer M., Florian V., Tolmacz R.* Attachment styles and fear of personal death: A case study of affect regulation. *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58 (2). P. 273–280.
 41. *Piedmont R.* Another look at fear of success, fear of failure, and test anxiety: A motivational analysis using the five-factor model. *Sex Roles*. 1995. V. 32. № 3. P. 139–158.
 42. *Read D.L., Clark G.I., Rock A.J., Coventry W.L.* Adult attachment and social anxiety: The mediating role of emotion regulation strategies. *PLoS ONE*. 2018. V. 13. № 12. Art. e0207514. DOI: 10.1371/journal.pone.0207514
 43. *Rozgonjuk D., Sindermann C., Elhai J., Montag C., Rozgonjuk D., Sindermann C., Elhai J., Montag C.* Individual differences in Fear of Missing Out (FoMO): Age, gender, and the Big Five personality trait domains, facets, and items. *Personality and Individual Differences*. 2021. V. 171. P. 1105–1146.
 44. *Sabelnikova N., Kashirsky D.* Validation of the Russian version of “Attachment Style Questionnaire” (ASQ,

- J.A. Feeney, P. Noller, M. Hanrahan, 1994). Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology. Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 954.
45. *Simpson J., Rholes W, Nelligan J.* Support seeking and support giving within couples in an anxiety-provoking situation: The role of attachment styles. *Journ. of Personality and Social Psychology.* 1992. V. 62. № 3. P. 434–446.
46. *Tresnawati F.R.* The Big Five Personality Traits predict Fear of Missing out about social media. *Intuisi Jurnal Ilmiah Psikologi.* 2016. V. 8. № 3. P. 179–185.
47. *Vertue F.* From Adaptive Emotion to Dysfunction: An Attachment Perspective on Social Anxiety Disorder. *Personality and Social Psychology Review.* 2003. V. 7. № 2. P. 170–191.